

Хлебникова Ольга Владимировна

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИЛЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена сравнительному исследованию стилистических характеристик философской и научной литературы. При этом выделяются как сближающие данные традиции знания свойства письма, так и различающие их особенности соответствующих дискурсивных практик. Общая постановка проблемы связана с осознанием постепенного превращения в рамках современной культуры всех форм интеллектуализма в системную деятельность, направленную на актуализацию некоторой разновидности писательского мастерства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. I. С. 184-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1

Философские науки

Статья посвящена сравнительному исследованию стилистических характеристик философской и научной литературы. При этом выделяются как сближающие данные традиции знания свойства письма, так и различающие их особенности соответствующих дискурсивных практик. Общая постановка проблемы связана с осознанием постепенного превращения в рамках современной культуры всех форм интеллектуализма в системную деятельность, направленную на актуализацию некоторой разновидности писательского мастерства.

Ключевые слова и фразы: литература; философия; наука; стиль; дискурс; письмо.

Хлебникова Ольга Владимировна, к. филос. н., доцент
Омский государственный университет путей сообщения
hlebnikova_ov@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИЛЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ©

Понятие «стиль» многозначно как в смысле широты спектра его вероятных истолкований, так и в контексте установления границ области его применения. Поэтому необходимо заранее уточнить, что в рамках настоящей статьи, рассуждая о стилях философской, либо научной литературы, мы будем интерпретировать термин «стиль», прежде всего, в обозначенных ниже направлениях понимания:

1) стиль есть особое движение тела письма, в котором отражается его характер. Стиль всегда несет на себе отпечаток специфических свойств того конкретного вида литературного творчества, которому он принадлежит, и, следовательно, само это творчество может быть «узвано» в совокупности соответствующих стилистических особенностей;

2) стиль – это «живое» образование, он всегда является чем-то большим, чем простой набор приемов и уловок. В нем постоянно присутствует некое «добавление», наличие которого задается принципиально важными, но зачастую невербализуемыми культурными идеалами. И, по большому счету, именно это «добавление» позволяет тому или иному стилю приобретать тот или иной значимый культурный статус;

3) стиль – это организующий «грамматический» принцип, в соответствии с которым выстраивается структура определенного литературного «языка». Фактически именно стиль задает те правила, на основе которых затем формируются денотационные, сигнификационные и манифестационные отношения в рамках разного рода литературных практик.

Оговоримся также, что возможность исследования стилистики философской и научной литературы, а равным образом и само обращение к философии и науке как к особым литературным традициям, обусловлены, прежде всего, неизбежным осознанием того обстоятельства, что в современной культуре и философствовании, и научные изыскания как таковые выступают уже не столько как некий чистый интеллектуализм, сколько как попытка создания системных дискурсов, воплощающихся благодаря своеобразному писательскому искусству. Таким образом, фактически в настоящей статье речь пойдет о проблеме разграничения «полномочий» некоторых типов письма.

Прежде всего, отметим те стилистические особенности, которые характеризуют непосредственно структуру любого западного философского текста, одновременно сближая ее со структурой научного текста.

1. «Серьезность» выражения. Здесь имеется в виду определенное свойство общего отношения к предмету философского (и научного) интереса, общего восприятия (всякими писателями и читателями) соответствующего толка философий и философствований как занятий, требующих вдумчивого и, в каком-то смысле, медитативного отношения. Философ (как и ученый) всегда словно бы должен удерживать на лице «приличествующее» ему «серьезное» выражение, каковое, в свою очередь, обязательно должно находить воплощение в самой его манере формулирования мыслей на письме, а равным образом и в манере чтения тех или иных текстов. По этому поводу в свое время очень удачно и емко высказывался Ф. В. Шеллинг, который утверждал, что философствующему субъекту жизненно необходимо всегда выказывать своего рода интеллектуальную «стыдливость» и избегать в познании того «похотливого вождения», которое «бросается на все без серьезности и любви, без желанья созидать и творить» [10, с. 157].

Именно эту стилистическую особенность философской литературы имел в виду Ф. Ницше, когда критиковал западную традицию философствования за «дурной вкус» и «долгое воздержание и бессилие».

В XX в. в философии постмодернизма была предпринята попытка преодоления этой «серьезности» философского стиля, посредством разворачивания соответствующих философских текстов как своеобразных пространств игры тех или иных «соблазнительных» означающих. Однако данный эксперимент не может считаться вполне успешным, поскольку философы-постмодернисты порой играли в свои игры с довольно серьезными лицами, и поскольку сам постмодернистский опыт преодоления «серьезности» философии не получил повсеместного распространения.

Возможно, одной из причин подобного положения дел является то обстоятельство, что вообще философия как деятельность и как литература с необходимостью предполагает некий момент рационального освоения действительности. Рациональность же имплицитно, помимо прочего, идею определенного интеллектуального

«распорядка», соблюдение которого требует последовательности и «серьезности» (аналогичная ситуация прослеживается и в научной литературе).

2. Использование устойчивых терминологических рядов. Для философского (впрочем, как и для научного) литературного стиля характерно стремление опереться на некоторые стационарные точки отсчета смысла, которые фиксируются в границах определенных сущностных перспектив, очерченных теми или иными терминологическими рядами. По сути, во многом именно по наличию соответствующих понятий, терминов мы и «узнаем» в разного рода текстах тексты философии (или науки).

Кстати говоря, именно существование подобных устойчивых рядов создает иллюзию возможности восприятия философии в качестве сферы действия наукообразного дискурса, оперирующего строгими, однозначно заданными понятиями (например, В. В. Библихин отмечает, что философские термины очень часто «производят впечатление технических понятий» [3, с. 106-107]). Однако, в случае пристального рассмотрения этого вопроса становится ясно, что философская терминология все-таки образуется по совершенно иному по сравнению с наукой принципам и играет в соответствующих философских текстах совершенно иную роль (хотя время от времени отдельные исследователи все-таки предпринимают попытки наукообразного рассуждения по поводу базовых философских понятий, наукообразного их выведения [8]).

3. Высокая степень «когнитивной вязкости» текстов. Под «когнитивной вязкостью» в настоящем случае подразумевается определенное свойство тех или иных философских (либо научных) текстов «замедлять» процесс чтения. Что же, в свою очередь, означает это «замедление»?

У. Эко описал данный феномен применительно к художественной литературе, однако, по сути, предложенная им концептуальная схема может быть распространена на все разновидности литературного творчества. Так, по его мнению, одной из важнейших проблем литературоведения в целом является проблема исследования самого «времени дискурса», которое есть «результат совокупности приемов, которые обуславливают читательскую реакцию, равно как и время чтения» [11, с. 106]. Следовательно, речь здесь идет о том, что любой текст предполагает определенную скорость продвижения читателя от первой его страницы к последней и от завязки к развязке, и что сама текстовая структура имплицитно подразумевает некоторый набор способов «замедлить время чтения, постепенно задать читателю ритм, который автор считает необходимым для полноценного восприятия текста» [Там же, с. 110].

Относительно философской и научной литературы следует заметить, что из всех видов литературной деятельности именно они способны в наибольшей степени «замедлять» процесс чтения, именно они обладают наивысшей (и близкой друг другу «по модулю») степенью когнитивной «вязкости» текстов. Данное обстоятельство обуславливается, как минимум, двумя факторами. Во-первых, и философские, и научные тексты содержат максимальное количество более или менее «сложных» идей на единицу соответствующего информационного объема, а, во-вторых, как научные, так и философские тексты по самой своей природе предполагают весьма специфическое, рефлексивное отношение к себе со стороны всякого потенциального читателя (ведь данные тексты, как правило, изначально словно бы противопоставляются любой попытке восприятия их в качестве средства развлечения и увеселения чье бы то ни было скучающего взора).

Следует заметить также, что иногда эффект замедления «времени дискурса» достигается в философии с помощью каких-либо сущностных превращений самого философского языка. Здесь можно вспомнить хотя бы о специфической манере письма, например, М. Хайдеггера или Л. Витгенштейна.

Рассмотрим теперь те стилистические особенности философских текстов, которые противопоставляют философскую литературу литературе научной.

1. Допущение использования креативного потенциала метафор и метафорических образов. Речь здесь идет о том, что в философских текстах довольно часто их собственно метафизическое содержание передается не только с помощью тех или иных логических фигур, но и с помощью фигур риторических. В философском тексте зачастую можно обнаружить своего рода системообразующую «сетку» образов и эмоционально насыщенных оборотов речи, определенным манером ориентирующих восприятие соответствующего текста [3; 7; 12; 13]. В научной литературе аналогичная ситуация не может наблюдаться в принципе, поскольку само значение понятия «наука» подразумевает формальность, ригористичность, а значит, и «антихудожественность» изложения материала.

В этом смысле и в силу указанных обстоятельств, можно сказать, что всякий научный текст апеллирует, в основном, к нашему аналитическому воображению, в то время как текст философский – помимо этого и порой даже в большей степени, к тому, что Г. Башляр очень удачно называет «грезящим» воображением [1; 2].

В данном случае под «аналитическим воображением» имеется в виду человеческая способность к определенному сорту воображению сложных («концептуальных») идей, воображению теорий. Конечно, в традиционном понимании термина «воображение», то есть в понимании его как свойства интеллекта, отличного от ощущений и размышлений, но возникающего в качестве результата первых и делающего возможными любые суждения, последнее рассуждение выглядит несколько непонятно, поэтому тут необходимо предоставить некоторые дополнительные разъяснения.

Прежде всего, заметим, что вышеупомянутая непонятность возникает вследствие сложившегося в исследовательской традиции представления о процедуре воображения как об оперировании той или иной совокупностью образов. Образ же (при всем многообразии вариантов истолкования этого понятия, вплоть до использования данного термина в словосочетании «гносеологический образ») обычно, так или иначе, рассматривается в качестве элемента чувственного восприятия реальности. Мы же здесь говорим о воображении концептуальных идей, то есть объектов, весьма слабо связанных с чувствами. В нашей ситуации правильнее будет сказать, что аналитическое воображение, воображение теорий есть, по сути, способность разума человека

к пребыванию в некоем состоянии псевдонаблюдения в отношении собственных сложных идей, то есть в состоянии конструирующего, конституирующего и, одновременно, анализирующего усмотрения [9, с. 62-63]. Иными словами, аналитическое воображение – это интеллектуальная *phantasia*, позволяющая «видеть» («воображать») разного рода теоретические ландшафты (в роли образов в данном случае выступают определенные «призраки» составляющих некоторых гипотез).

Таким образом, лаконичность и формализм научного литературного стиля призваны пробудить в читателе именно подобную способность к воображению концептуальных идей, воображению теорий, не допуская при этом (за счет устранения риторической составляющей) активации других видов воображения.

Что же касается философского литературного стиля, то здесь, как уже было сказано выше, задействуется, помимо аналитического, еще и «грезящее» воображение, включающееся за счет изначальной принципиальной ориентации соответствующих текстов на конструктивное истолкование метафор и метафорических образов [14, р. 259-299].

2. Принципиальное отсутствие в философских тезаурусах ориентации на построение в отношении входящих в них терминов тех или иных вполне адекватных состояниям окружающей действительности референтных зависимостей (в отличие от научных тезаурусов, где подобная ориентация является неизбежной, исходя из самого определения понятия «наука»). Речь идет о невозможности сколько-нибудь однозначного прояснения «реальных» областей значения философских понятий, точнее о невозможности приведения «жизненных» примеров, корректно воспроизводящих философскую логику. Любой философский термин изначально отсылает нас к некоему миру «реально» не существующих объектов. В то время как даже самая абстрактная, самая отвлеченная научная терминология, не важно, понимаем ли мы «науку» в классическом, неклассическом или постнеклассическом духе, все-таки всегда подразумевает определенную отсылку к «реально» существующим и «непосредственно» воспринимаемым вещам. Следовательно, можно сказать, что специфика философии состоит в том, что в ней все всегда происходит не так, как «на самом деле».

Отчасти здесь имеется в виду логика той же самой идеи, которая владела Ж. Делезом и Ф. Гваттари, когда они противопоставляли в рамках анализа предметов науки и философии соответственно «план референции» и «план имманенции» [5, с. 149-171]. По их мнению, в окружающем нас виртуальном хаосе событий, вещей и состояний (виртуальном в силу бесконечности его потенциальных возможностей), наука пытается обнаружить некий устойчивый порядок с тем, чтобы кристаллизовать его и утвердить в качестве реальности. И эту кристаллизацию она осуществляет посредством разного рода провозглашенных зависимостей между элементами хаоса, реализуемых в виде пропозиций в пределах разнообразных дискурсивных систем. Такой упорядоченный хаос и составляет, собственно, «план референции», то есть своеобразную ландшафтную поверхность, в рамках которой актуализируется та или иная физика реально происходящего.

В то же время философия, как утверждают Делез и Гваттари, имеет дело только лишь с «планом имманенции», который рассматривается ими в качестве своеобразного пространства сгущения хаоса: философия, следовательно, превращает хаос, не актуализируя его. Философия конструирует свои концепты вне самой идеи устойчивых порядков, опираясь исключительно на стремление к осмыслению и осознанию степени «густоты» консистенции хаоса вещей и событий. Философия всегда избегает упорядочивающих практических референтных отсылок.

Таким образом, необходимо отметить то обстоятельство, что философская терминология, в отличие от терминологии научной, очерчивает исключительно виртуальные перспективы интеллектуального зрения, не предполагая в дальнейшем превращения этой виртуальности с целью выработки каких бы то ни было практических объяснений или рекомендаций.

Подобная «иллюзорность» является неотъемлемой частью любого философского тезауруса: на уровне читательского восприятия того или иного конкретного философского текста она, помимо прочего, дает о себе знать, выражаясь образно, как о квинтэссенции мироощущения Алисы, падающей в кроличью нору (в роли Алисы в данном случае оказывается читатель). Здесь подразумевается неизбежность осуществления некой специфической ситуации, в которую раз за разом попадает всякий читатель любого философского текста, а именно ситуации постепенного осознания парадоксальности становления метафизического смысла, когда логика философских понятий начинает показывать себя в читательском восприятии как логика «непрерывного умопомешательства» [4, с. 13-15, 22].

3. Построение философских сюжетов вокруг попыток разрешения принципиально неразрешимых задач (в отличие от сюжетов научных, выстраиваемых вокруг исследований в сфере вопросов, хотя бы потенциально имеющих ответы). Под термином «сюжет» в данной ситуации имеется в виду своеобразная обобщенная конфигурация интеллектуальной интриги, задаваемой тем или иным философским (либо научным) текстом.

По большому счету, суть дела заключается в том, что любая научная интеллектуальная интрига, любой научный литературный сюжет сводится к пошаговой демонстрации процедуры решения определенной головоломки, проблематизирующей задачу расширения объема знания в какой-либо области. Следовательно, можно сказать, что научные сюжеты всегда связаны с разворачиванием ситуации исследования разного рода проблем, причем понятие «проблема» тут трактуется как такая разновидность когнитивного диссонанса, которая *a priori* подразумевает возможность его финального устранения, согласования.

В то же время, философские литературные сюжеты представляют собой попытки разворачивания ситуации приобщения к некоторым тайнам, которые, показывая себя каждый раз по-новому, никогда не могут быть окончательно разгаданы. В отношении философских интеллектуальных интриг всегда остается верным одно высказывание Ж. Деррида: «Невозможно ответить на вопрос об ответе <...> Есть тайна. Сколько бы о ней ни говорили, этого недостаточно, чтобы ее нарушить» [6, с. 42, 47].

Философия, следовательно, изначально обращена к некоторым странным событиям, которые являются неизбежной и неустранимой частью нашей жизни, но при этом никогда не могут быть однозначно истолкованы или объяснены. В каком-то смысле, философия занимается бесполезными практически поисками невозможных ответов на зачастую невыразимые вопросы.

Таким образом, в философской литературе сюжеты изначально выстраиваются совершенно на другой основе, чем в литературе научной.

В заключение следует заметить, что исследование различных традиций знания в контексте осмысления их литературной формы обладает значительной степенью актуальности в современных условиях господства письменной культуры.

Список литературы

1. Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 344 с.
2. Башляр Г. Земля и грезы о покое. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2001. 320 с.
3. Бибихин В. В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 416 с.
4. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 302 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
6. Деррида Ж. Эссе об имени. СПб.: Алетейя, 1998. 192 с.
7. Красноярова Н. Г. Философия и интеллектуальные метафоры Хорхе Луиса Борхеса // Гуманитарные исследования: ежегодник. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2003. Вып. 8. С. 38-46.
8. Левин Г. Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2007. 224 с.
9. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2002. 319 с.
10. Шеллинг Ф. В. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 86-158.
11. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Симпозиум, 2002. 285 с.
12. Cazeaux C. Metaphor and Continental Philosophy. From Kant to Derrida. N. Y. – London: Routledge, 2007. 222 p.
13. Macdonald M. The Philosopher's Use of Analogy // Logic and Language. A Collection of Philosophical Articles. Oxford: Basil Blackwell, 1951. P. 80-100.
14. Stern J. Metaphor in Context. Cambridge, Massachusetts: A Bradford Book, 2000. 386 p.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC LITERATURE STYLES

Khlebnikova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Omsk State Transport University
hlebnikova_ov@mail.ru

The article is devoted to the comparative analysis of the stylistic characteristics of philosophical and scientific literature. The author identifies both the features of writing, which draw these traditions of knowledge closer, and the peculiarities of appropriate discursive practices that differentiate them. The problem statement is connected with the understanding of the gradual transformation within the framework of modern culture of all the forms of intellectualism into systemic activity aimed at the actualization of a certain type of pencraft.

Key words and phrases: literature; philosophy; science; style; discourse; writing.

УДК 130.2; 141.32

Философские науки

В статье фокус научного интереса сосредоточен на выявлении диалектической взаимосвязи между процессами «приватизации» социальной реальности как усилением значимости сферы частных ценностей и частного существования и актуализацией эмоциональных концептов, в том числе юмористического кода как обобщенного отражения действительности. В данном случае интерес вызывает не столько сама природа смеха, сколько общая направленность современной репрезентативной культуры на впечатления, развлечения, «спектализацию» как абстрактную репрезентацию социальных явлений, событий, людей.

Ключевые слова и фразы: эмоциональное «Я»; юмор; «банализация зла»; приватность; «общество впечатлений»; спектализация.

Ходус Елена Владимировна, к. соц. н., доцент
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина
hodus2@ukr.net

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ КОД КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРВЕРСИЯ В СИТУАЦИИ «БАНАЛИЗАЦИИ ЗЛА»©

Субъективное осмысление действительности всегда является контекстуально обусловленным и эмоционально переживаемым. В этом смысле метафоры «общество впечатлений», «общество спектакля», «общество